

ПОЛИХРОНИЙ СИРКУ ЗА НАРОДНАТА КУЛТУРА В БЕСАРАБИЯ

ДИМИТЪР КЕНАНОВ

Навършват се 140 години от рождението и 90 години от жизнения край на големия руски славист Полихроний Агапиевич Сирку (Сирков). Виден представител на второто поколение руски слависти, той се нарежда сред първооткривателите на Търновската книжовна школа. Целите на следващото изложение са: 1. Да насочим вниманието на научната общественост към личността и делото на един заслужил изследвач на културата в Молдавия. 2. В отделно приложение да се въведе в научния печат текстът на първата публикувана статия от П. Сирку, която със своите конкретни наблюдения върху народната празнична система е актуална и до днес.

* * *

П. Сирку е роден на 30 юли 1855 г. в село Страшени, недалече от Кишинев. Произхожда от бедно селско семейство и трудният му път към попрището на науката в царска Русия предизвиква възхищение сред съвременниците. Неговата родова линия отвежда към българските преселенци в Бесарабия. Малкият Полихроний остава без майка и преживява мрачно детство. За образованието му се погрижват икономът и иноците от българския Киприяновски манастир, подчинен от 1699 г. на известния наш Зографски манастир в Атон. Още като ученик в Кишинев П. Сирков обнародва първото си изследване, посветено на новогодишните народни обичаи и песни в Молдавия. Текстът е подписан: "У ч е н и к , с е м и н . П о л . С и р к о в", а не Сырку. По същия начин е подписана молба до Ректора на Петербургския университет от 23 януари 1875 г. за освобождение от плащане на такса за следване поради бедност. Приложено е свидетелство за бедност на Сирковото семейство, наброяващо 7 човека: "Студент П. Сирков"¹.

В статията "С в я т о ч н ы е о б ы ч а и и п е с н и у б е с с а р а б с к и х м о л д о в а н н а Р о ж д е с т в о и Н о в ы й г о д" (1874) се правят наблюдения върху молдованската и българославянската култура, обвързани от

общия исторически живот на двата народа. Младият Сирков се стреми да реши изследователските въпроси в диахронна дълбочина, като се обръща към езическата славянска митология, търси етимологията на ред названия и имена (*колак, Крачун, Сварог, Коледа* и др.). Впечатлява изчерпателната библиографска осведоменост на ученика П. Сирков. Познават се трудове на Ю. И. Венелин, речникът на Фр. Миклошич, сборници и изследвания на В. Чолаков, Г. С. Раковски, Л. Каравелов, Квашнин-Самарин, П. Р. Славейков.

През 1874 г. Сирку постъпва в Новорусийския (Одески) университет, но след около месец се прехвърля в Историко-филологическия факултет на Санкт-Петербургския университет. Младежът се учи с увлечение и навлиза в научния живот. С убеденост възприема от И. И. Срезневски възгледите му за славянската палеография и археология и по-късно ги прилага на практика. За първи път претворява на руски език автобиографията на епископ Софроний Врачански „Житие и страдания на грешния Софроний“. Този труд на способния студент е публикуван през 1877 г. в том 2 на „Славянски сборник“, издание на Славянското благотворително дружество в Петербург.

През 1878 г. П. Сирку завършва следването си със степен „кандидат“ и златен медал за съчинение върху историята на България през IX в. Заради ясно изразените филологически наклонности той е оставен в катедра „Славянска филология“ за подготовка на професура и в края на 1878 г. е изпратен в България и Румъния. Младият учен се интересува предимно от ръкописни паметници, археологически обекти, но също от състоянието на говоримия език, от народни предания и легенди, от равнището на образованието и печатното дело.

Към основната си проучвателска област — евтимиезнанието, П. Сирку се насочва през 1883 г. със статията „Няколко бележки за две произведения на търновския патриарх Евтимий“¹. В нея се разкриват литературните първоизточници, положени в съдържанието на житията за Иван Рилски и Петка Търновска. Измеренията на реформата, замислена от Евтимий Търновски, трайно привличат неговото внимание. В част 245 и 247 на Журнал МНП той публикува „Към въпроса за изправянето на книгите в България през XIV век“. Тук обстойно се изясняват правописните и граматическите възгледи на Евтимиевия следовник Константин Костенечки според неговото „Разяснено изложение за буквите“. П. Сирку говори за „търновско-ресавска школа“, за „търновско-ресавски извод“ в средновековната ръкописна традиция и в старопечатните славянски книги.

През 1890 г. в Санкт Петербург към читателите тръгва най-напред втора свезка от първия том на капиталния Сирков труд: „Към въпроса за изправянето на книгите в България през XIV век. Литургически трудове на Патриарх Евтимий Търновски“. Сред вълнуващите археографски находки за славистите от XIX в. са пергаментовия свитък и служебник (на хартия) от библиотеката на Зографския манастир

в Атон. В тия ръкописи, близки до времето на Евтимий, се намират преводните литургически съчинения на търновския реформатор. За да добие непосредствени впечатления от двата паметника и да ги подготви за издаване, през лятото на 1887 г. П. Сирку пътува до Света гора Атонска. В книгата са добавени и литургически текстове по Соловецкия служебник от 1532 г., писан в Зограф от доместик Варлаам по поръка на сучавския митрополит Теофан. За това изследване през 1891 г. в Харковския университет П. Сирку получава научната степен „магистър по славянска филология“.

Отпечатването на първата свезка се забавя и едва през 1898 г. излиза частта за живота и времето на Евтимий Търновски. На повече от 600 страници П. Сирку разисква следните по-основни въпроси: историко-политически обзор на положението в България през XIV в., учението на исихазма (Григорий Синаит, Григорий Палама), дейността на Теодосий Търновски, преглед на литературата при цар Иван Александър, жизнен път на Евтимий Търновски. На 16 май 1899 г. тази част е защитена като докторска дисертация по славянска филология в Петербургския университет с официални рецензенти Алексей И. Соболевски и Владимир И. Ламански. В края на същата година целият първи том с двете му свезки (части) е представен за присъждане на академичната Ломоносовска награда. На тържествено събрание акад. Алексей Шахматов прочита протокола на комисията. Въз основа на рецензия от проф. Марин Дринов единодушно е прието утвърдително решение.

През 1900 г. Полихроний Сирку обнародва още едно произведение на патриарх Евтимий — „Служба на царица Теофана“. Научно-издателски интерес той проявява и към житиеписни творби, обвързани с други дейци на исихастското движение: „Житие на Ромил Видински“ от Григорий Доброписец, „Житие на Григорий Синаит“ от патриарх Калист. Естествено продължение на тази проблематика се явява книгата му за българо-сръбските литературни връзки през XV—XVI в., в която са поместени житието и службата на Никола Нови Софийски.

Редица неблагоприятни обстоятелства, постоянните материални затруднения при грижите за многочисленното семейство (Сирку имал три дъщери) разклащат непоправимо здравето му. Полихроний Агапиевич Сирку умира на 23 юни 1905 г. Погребан е на Смоленското гробище в Петербург.

Сега, в края на XX век трудовете на видния славист пазят непокътната своята значимост. Времето сложи венец на признателност до неговото име и дело.

БЕЛЕЖКИ

¹ Текста на молбата вж. у Матковски, Ал. П. А. Сирку и славяно-молдавските связи. — В: Молдавско-руско-украинские литературные связи начала XX века (1901—1917), Кишинев, 1982, с. 159.

² В: Сборник статей по славяноведению. СПб., 1883, 348—401. Подробно за Сирковите

трудовете вж. К е н а н о в, Д. Полихроний Агашиевич Сирку (Сирков) — виден историк на старата българска литература. — Старобългаристика, IX (1985), № 3, 110—122; М а т - к о в с к и, Ал. Полихроние Сирку (Скицъ био-библиографикъ). Кишинэу, 1967.

ПРИЛОЖЕНИЕ*

Святничные обычаи и шкци у бессарабских молдаванъ на Рождество и Новый Годъ

Рождество Христово

Всѣ почти протонародные праздники у молдаванъ соотвѣствуютъ тѣмъ же у славянъ: зимнимъ, лѣтнимъ, весеннимъ и осеннимъ; но не всѣ христiанскiе годовые праздники сопровождаются народными, какъ думаютъ нѣкоторые¹.

Приготовление къ рождественскимъ праздникамъ у молдаванъ начинаются съ 20 декабря, со дня памяти св. Игнатiя. Съ 20 числа начинаются мазанье домовъ, стирка бѣлья и мн. др. приготовления, которыя продолжаются до 25 декабря, до самаго праздника. 20 числа каждый молдаванинъ колеть свою свинью, которая откармливается заранѣе для праздниковъ. Отсюда у молдаванъ сложилась поговорка: “*цавини Игнату*”, т. е. придетъ для тебя Игнатъ, которую они употребляютъ, когда бранятъ свиней. Эта поговорка значить, что я отмшу тебѣ. Ею грозятъ и людямъ въ пылу гнѣва.

Къ этимъ праздникамъ молдаване приговляютъ преимущественно калачи (колачъ²) изъ печенiй, которые замѣняютъ хлѣбъ на время праздниковъ; впрочемъ пекутъ и по нѣсколько хлѣбовъ на всякiй случай. Приготавливаютъ большiе калачи и малые калачики; эти послѣднiе приготавливаются изъ муки нисшаго сорта и предназначаются для раздачи колядникамъ и пр., а большiе для церкви и домашняго обигода. Изъ тѣста прежде всего приготавливаютъ отдѣльный калачъ, который называется *крашиунъ* (крачунъ). Приготавливаютъ его изъ плетеннаго тѣста и дѣлаютъ на подобiе креста, на которомъ полагаютъ кружокъ или самый калачъ такъ, что края креста выступаютъ наружу, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣлаютъ на подобiе буквы *з* (у) славянской азбуки. Приготовивши калачъ, молдаванки говорятъ: “Доамне ажюты къ Кръчюнъ”, т. е. Боже, помоги провести праздники Крачуна въ добромъ здоровьи. Пекутъ его и потомъ привѣшиваютъ на гвоздь у образовъ, гдѣ держать до Крещенiя. Послѣ Крещенiя снимаютъ его оттуда, толкутъ въ порошокъ, мѣшаютъ съ отрубями и солью и

даютъ домашнему скоту для предохраненiя его отъ различныхъ болѣзней, или вмѣшующей отелиться коровкѣ и желаютъ, чтобы теленокъ былъ красивъ, и въ др. случаяхъ въ продолженiе года. Именемъ этого калача называется и самый праздникъ Рождества Христова.

Нѣчто подобное мы находимъ въ обычаяхъ болгаръ на Рождество и Новый Годъ: въ Малка Коледа и Бждни Вечерь³. У нихъ приготовления къ рождественскимъ праздникамъ также начинаются съ 20 декабря. У нихъ есть даже особая колядка для этого времени, которая поется до 25 декабря⁴, у нихъ въ 20 день декабря бьютъ откармленныхъ свиней. Очистивши свинью и занесши ее въ комнату, дѣлаютъ разрѣзъ вдоль спины, чтобы видѣть, толсто ли сало или нѣтъ. Затѣмъ прикрѣпивъ къ дереву, приставляютъ ее къ стѣнкѣ, послѣ чего приходятъ родные, сосѣди и знакомые для пожеланiя счастья и здоровья, говоря: “честита ви коледа и до година”, сжъ здравiе (будьте счастливы съ колядой и здоровы до будущаго года)”, на что домохозяинъ отвѣчаетъ: “и вамъ честита за многогодинъ (и вамъ желаю счастья на многiя лѣта)”⁵. Несомнѣнно, что этотъ обычай существовалъ и у молдаванъ, но современемъ онъ утратился. Что это предположенiе вѣрно, видно изъ того, что у молдаванъ и теперь дѣлаютъ на лбу приготовленной свиньи разрѣзъ на подобiе креста, а въ одной молдавской сказкѣ разсказывается, что цыганъ, зашедши къ молдаванину, который только что приготовилъ свинью, сказалъ неприличныя и неумѣстныя слова, за что молдаванинъ побилъ цыгана и сказалъ: “говори: будьте здоровы на многiя лѣта, чтобы ты и жена твоя и дѣти твои были здоровы и сыты и вашъ столъ былъ всегда полонъ”.

Свинья у всѣхъ арiйцевъ приносилась въ жертву на зимнемъ праздникѣ. Вотъ какъ славяне поютъ о ней:

Дѣдко свинушку убилъ,
Дѣдко бѣленькую,
Свинку пѣгенькую...⁶

Замѣчательно, что молдаване рѣдко бьютъ свиней въ продолженiе года, а предъ рождественскими праздниками каждый молдаванинъ считаетъ необходимымъ бить свинью. Молдаване по внутренностямъ свиньи судятъ о суровости зимы.

Канунъ Рождества молдаване зовутъ *аджуномъ* (аџнъ — агупи). Такъ называются и кануны Новаго Года и Крещенiя.

На *аджуни* Рождества молдаване приготавливаютъ столъ, покрытый постными блюдами: сармали (голубцы), фасолью и сухими плодами, но не садятся за столъ, пока не придетъ священникъ и не благословитъ стола, или диаконъ, или хоть причетникъ. Очень прiятно молдаванину и въ особенности молдавнкѣ хозяйкѣ дома, если священникъ, или кто-либо другой пришедшiй вмѣсто священника благословитъ столъ, посидитъ хоть немного въ домѣ. Въ этомъ хозяйка дома видитъ большой приплодъ въ цыплятахъ, въ противномъ случаѣ

* Статията на П. Сирку, чийто текст се възпроизвежда тук без промени, е публикувана в: Кишиневскiя Епархиална Вѣдомостя [Редакторы: П. Паховский, М. Ганицкий], Кишинев, 15-18 февраля, №4, 1874, с. 207—221. По технически причини е променена само номерацията на бележките и не е отбелязано оригиналното страниране.

наскѣдка не хорошо будетъ высиживать яйца въ томъ году и слѣдовательно цыплятъ будетъ мало. Поэтому всегда настойчиво упрасиваютъ священника сѣсть, чтобы задержать его въ домѣ. Это относятъ и къ каждому поскѣтителю того дня, поэтому и съ нимъ поступають такимъ же образомъ, какъ и съ священникомъ, а если получаютъ отказъ, остаются⁷ очень недовольны, а вовсе не осыпають поскѣтителя проклятіями, какъ преувеличиваютъ нѣкоторые. Этотъ обычай времянь языческихъ. У молдаванъ, какъ и у славянъ, пѣтухъ и курица имѣють большое значеніе для семьи. У славянъ онѣ считались символомъ семейства⁸. Вѣроятно, это было и у молдаванъ, и въ большомъ приплодѣ цыплятъ они видѣли большое счастье для семейства. И теперь встрѣчаемъ у молдаванъ повѣрье такого рода относительно куръ. Если курица запоетъ пѣтухомъ, то въ этомъ видятъ дурное предзнаменованіе для дома. Чтобы узнать, такъ ли это или нѣтъ, молдаванки берутъ курицу — пѣвунью, обращаютъ ее головою къ столу и потомъ переворачиваютъ кувиркомъ до порога, приговаривая:

“Если ты поешь о злѣ⁹,

Да будетъ на твоей головѣ;

А если — о добрѣ,

Да будетъ на мнѣ!”

Если курица попадетъ головою къ порогу, т. е. къ выходу, то говорятъ: предвѣщаетъ несчастье; придется кому-нибудь изъ членовъ семейства выдти изъ дома: умереть, или другое какое несчастье случится, и тогда курицу рѣжутъ. Если же будетъ головою къ столу, т. е. внутрь, то предвѣщаетъ счастье, или по крайней мѣрѣ не предвѣщаетъ несчастья.

Столъ у молдаванъ въ день *аджуна* во многомъ сходствуетъ съ столомъ у болгаръ того же дня; сохранились даже однѣ и тѣ же названія для нѣкоторыхъ блюдъ; какъ напр. *сарми*, *фасуль*, *ошавъ* и др.¹⁰

Существуетъ у молдаванъ преданіе, что на канунѣ Рождества діаволь¹¹ ходитъ по свѣту и старается вредить людямъ на каждомъ шагу и сѣять зло между людьми; дѣлаетъ это онъ будтобы потому, что предчувствуетъ свое паденіе, имѣющее совершиться чрезъ воплощеніе Сына Божія¹². И потому всякая неудача въ эти дни приписывается кознямъ и дѣйствіями діавола.

У болгаръ отъ “бждняго вечера”, т. е. кануна Рождества и до Крещенія дни называются нечистыми, или “погани дни”. Съ бждняго вечера появляется каракончо¹³ и обманываетъ людей, а потому опасно выходить поздно вечеромъ, пока не пропѣли пѣтухи¹⁴. Отсюда у нихъ “*Кара-Конджоровы-тъ недѣли*”. Молдаване говорятъ, что ночью вообще не хорошо выходить до пѣнія пѣтуховъ, такъ какъ въ это время діаволь властвуетъ на землѣ, а потомъ скрывается, потому что послѣ пѣнія пѣтуховъ время клонится ко дню, когда нечистая сила не имѣетъ никакой власти, а уступаетъ мѣсто свѣтлому, доброму духу. Слѣдовательно у молдаванъ было когда-то вѣрованье въ начала дуалистическія, т. е. въ начало доброе и начало злое; что не чуждо и славянской мифологіи¹⁵. Во

многихъ молдавскихъ сказкахъ мы встрѣчаемъ борьбу злаго духа съ добрымъ.

У молдаванъ существуетъ еще повѣрье, что на канунѣ Рождества вечеромъ вѣдьмы засматриваютъ въ окна и благо тому, кому удастся видѣть ихъ; такому несчастливцу не могутъ вѣдьмы причинить вреда¹⁶.

Достоинъ вниманія обычай у молдаванъ давать домашнему скоту хорошей кормъ на канунѣ Рождества въ воспоминаніе будто бы того, что Христосъ родился въ ясляхъ среди скота¹⁷.

Все это служитъ какъ бы введеніемъ къ слѣдующему дню, т. е. къ 25-му декабря, самому дню Рождества, а у молдаванъ къ *Крачуну*¹⁸.

Вотъ уже наступилъ и самый Крачунъ — Рождество Христово. Относительно происхожденія слова Крачунъ нѣкоторые полагають, что оно произошло отъ турецкаго слова карачунъ и перенесено мѣстными жителями съ какого-нибудь турецкаго праздника или обычая на рождественскіе праздники, подобно тому какъ наши евреи часто называютъ свой праздникъ шабуотъ именемъ нашего христіанскаго праздника Троицы, по причинѣ частаго совпаденія этихъ двухъ праздниковъ¹⁹. Это мнѣніе и предположеніе кажутся вѣрными съ перваго взгляда. Онѣ согласны и съ географическимъ положеніемъ молдаванъ, и съ нѣкоторыми обстоятельствами изъ молдавской исторіи и съ тѣмъ наконецъ, что у болгаръ встрѣчаемъ нѣчто подобное молдавскому Крачуну — Кара-Кончо, которое дѣйствительно турецкаго происхожденія²⁰. Но какимъ образомъ очутился у Карпато-Россовъ или Русиновъ въ Австріи *Карачунъ*?²¹ Едва ли можно сказать, что и Русины заимствовали у турокъ.

Многіе, слѣдуя Ю. Ив. Венелину, производятъ Крачунъ отъ *кричатъ* и, примѣнительно къ народнымъ представленіямъ, отъ крика свиней, которыхъ закаляютъ предъ рождественскими праздниками. Какъ ни наивно такое объясненіе, говоритъ одинъ авторъ, по крайней мѣрѣ фактически вѣрно. Каждому селянину Бессарабіи очень хорошо извѣстно, что предъ рождественскими праздниками около 20-го (а не въ 20-й день?) декабря замѣчается какая то особенная тревога въ породѣ свиней; они въ безпокойствѣ бѣгають и жалобно хрюкають, предчувствуя, что многимъ изъ нихъ придется сдѣлаться жертвою наступающихъ праздниковъ²². Да дѣйствительно наивно! Если допустить, что это мнѣніе вѣрно, то только въ томъ случаѣ, когда допустимъ, что Крачуномъ называется тотъ день, въ который бьютъ свиней т. е. 20 день декабря. Но молдаване называютъ Крачуномъ самый день Рождества. Однимъ именемъ Крачуна называютъ праздники потому, что Крачунъ попадаетъ первымъ, подобно тому какъ бываетъ и у Русскихъ; рождественскими праздники называются не потому, что всѣ праздники, извѣстные подъ именемъ Рождества, установлены въ память Рождества Христова, но потому что Рождество Христово празднуется прежде всѣхъ другихъ праздниковъ. По нашему мнѣнію, Крачунъ есть языческой богъ славянъ и названіе его чисто славянское. Крачунъ происходитъ отъ словъ: *карачъ*²³ и *ун*. *Карачъ* и теперь употребляется у болгаръ и сербовъ и значитъ пори-

цатель, ругатель, мститель; оно происходит от карати (τῦλτειν, ferire)²⁴, порицать, карать, ругать; а *уи* от оун-ы-ти (ραθῦσειν, ignavum esse, segnescere)²⁵; быть лѣнливѣмъ, слабымъ), отъ котораго происходит прилагательное *оуныльѣи* — угрюмый, печальный, сердитый. И въ молдавскомъ языкѣ есть глаголѣ съ одинаковымъ значеніемъ съ *карати*, а именно *а окъры*²⁶, отъ котораго происходят существительныя: *окары* — порицаніе, *окъръторъ* — порицатель и пр. Крачунъ или Карачунъ есть имя языческаго бога сердитаго, угрюмаго, мрачнаго, темнаго. Но изъ значенія составляющихъ словъ видно, что этотъ богъ лѣнливъ и слабъ, слѣдовательно онъ долженъ уступить мѣсто другому, свѣтлому. Карачуна находимъ и въ славянской мифологіи, гдѣ онъ называется еще морозомъ съ такими самыми качествами, какія находятся и у молдавскаго Карачуна²⁷. Его мы находимъ у русиновъ или карпато-россовъ въ Австріи съ такимъ самымъ именемъ, какъ и у молдаванъ, какъ выше сказано²⁸. Въ Кроаціи канунъ Рождѣства называется Бѣдой, а у сербовъ Бадній дан²⁹. Въ одной болгарской пѣснѣ встрѣчается слово *карачуници*³⁰, которое свидѣтельствуеетъ о томъ, что было извѣстно когда то о Карачунѣ и болгарамъ.

Карачунъ есть олицетвореніе зимней, мрачной и суровой природы. Всякому извѣстно, какіе холода бываютъ во время Рождества. Крачунъ или Карачунъ, должно быть, принадлежитъ глубокой древности, можетъ быть даже тому времени, когда славяне кочевали съ одного мѣста на другое, когда время года для человека — номада очень много значило. Язычникъ, вездѣ видя дѣйствіе божества, по необходимости долженъ былъ олицетворить и зиму въ какомъ нибудь божествѣ, но божествѣ притомъ мрачномъ, суровомъ, приковывающемъ его къ одному мѣсту, такъ какъ оно посылаетъ на землю холодъ, вслѣдствіе чего номаду не такъ легко переходить съ мѣста на мѣсто, какъ въ остальные времена года. Кромѣ того сама природа гораздо бѣднѣе зимою, чѣмъ въ другія времена года; она не удовлетворяетъ вполне номада, привыкшаго порхать, какъ мотылекъ, съ одного цвѣтка на другой и находить всегда и вездѣ готовыми и столъ и домъ для себя и для своего скота. Подъ суровостію номада воображалъ какую-то враждебную ему силу, управляющую на время всѣмъ міромъ и направляющую всѣ условія ко вреду ему. Вотъ эту-то силу онъ и олицетворилъ въ богѣ Карачунѣ, котораго старались умилостивить, какъ бога, празднествами и др. Само собою разумѣется, что представленіе народа подѣ влияніемъ христіанства съ теченіемъ времени во многомъ измѣнилось.

Обратимся еще къ славянской мифологіи, чтобы уяснить молдавскіе рождественскіе обычаи.

Первый праздникъ солнца у славянъ праздновался первоначально въ срединѣ зимы, во время самаго солнцеворота. Это извѣстная всѣмъ коляда, впоследствии смѣшавшаяся съ Рождествомъ. Смыслъ этого праздника слѣдующій:

Зима, Чернобогъ или Ситивратъ³¹ нагналъ тучи на небо. Природа мертва, свирѣпыя волки — мятели бѣгаютъ по поламъ, дни убыли, міру грозитъ гибель.

Но вотъ долженъ родиться молодой Божичъ (такъ зовется виновникъ торжества у сербовъ) солнце, дитя Перуна и Симарглы, грома и тучи. Ситивратъ-Карачунъ чувствуетъ, что скоро придетъ конецъ его владычеству; онъ боится, что родившееся солнце сдѣлаетъ для него невозможной борьбу со свѣтлыми богами, и хочетъ погубить младенца при рожденіи. Но мать солнца Коледа (тоже что и жена Перуна) хочетъ спасти младенца. Обратясь въ козу, символъ молніи, она бѣгаетъ по землѣ. За ней гонятся волки мятели, гонится самъ Крачунъ въ образѣ медвѣдя³², но она убѣгаетъ отъ нихъ, прячется въ ивникахъ и рождаетъ тамъ Дажбога. Народъ ждетъ рожденія Божича и поетъ:

Ого-го козынька,
Ого-го сѣкра,
Ого-го бѣкла,
Гдѣ коза ступою,
Тамъ жито купою;
Гдѣ коза рогомъ,
Тамъ жито стогомъ;
Гдѣ коза ходить,
Тамъ жито родить...

Теперь многое стало понятно и въ праздникѣ Крачуна у молдаванъ. Ясно видно, что подѣ Карачуномъ нужно разумѣть зимнюю пору; здѣсь находятъ примѣненіе и діаволы и вѣдьмы кануна — это волки — мятели, превращенные христіанствомъ въ діаволовъ. Что касается святочныхъ медвѣдя и козы, то и теперь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Бессарабіи рядятся въ медвѣдя и козу. Однимъ словомъ видно большое сходство между славянскими и молдавскими рождественскими обычаями и повѣрьями.

Откуда славянское божество у молдаванъ? Намъ скажутъ, что оно заимствовано отъ славянъ, сосѣдей молдаванъ. Но у молдаванъ встрѣчаемъ не только Карачуна, бога зимы, но находимъ еще Сварога. Молдаване говорятъ: “ускаты ка Шварогу” (сухой какъ Сварогъ). Въ этой поговоркѣ упоминается имя Сварога (Шварога), славянскаго языческаго бога древнихъ временъ, съ его отличительною чертою — сухостію. Славянская мифол. Сварога (отъ санскр. svarg, sug свѣтитъ — svarga — Сварогъ)³³ представляетъ богомъ неба и солнца, символомъ теплоты и сухости. Это обстоятельство даетъ намъ право думать, что славянскія божества суть національныя божества молдаванъ, но не чужія, не пришлыя. Надѣмся, что со временемъ больше подтвердятся наши положенія. Но кто хочетъ знать прошлое молдаванъ, пусть изучитъ славянство и, приступивши къ изслѣдованіямъ, тогда пусть будетъ увѣренъ, что достигнетъ желаемыхъ результатовъ; въ противномъ случаѣ онъ мало пойметъ, или даже ничего не пойметъ.

Въ день Рождества Христова послѣ обѣда мужа и жены ходятъ къ роднымъ и сосѣдямъ съ калачами и поздравленіями, а молодые парни (флькѣи) и

дѣвушки (фетеле) составляют хороводъ или джокъ, такъ называютъ молдаване хороводъ, какъ обыкновенно дѣлаютъ въ каждый праздничный день, а также за весьма рѣдкими исключениями и по воскреснымъ днямъ. Эти джоки также остатки языческаго времени.

Вечеромъ въ день Рождества Христова молдаване колядуютъ. У молдаванъ не сохранилось преданій о Колядѣ. Коляду одни производятъ отъ латинскихъ календъ (calendae), другіе — отъ коло — (колесо — символъ солнца) и санскритск. окончанія *инд*³⁴. Молдаване называютъ свою коляду *колиндою*, что подтверждаетъ послѣднее мнѣніе. И Миклошичъ въ своемъ словарѣ признаетъ коляду славянскою³⁵. Само собою разумѣется, что обычай колядовать очень древній, потерпѣвшій многія измѣненія по различнымъ мѣстамъ, какъ говоритъ и Бантышъ-Каменскій³⁶.

Въ молдавскихъ колиндахъ воспѣвается Рождество Христово. Впрочемъ въ нихъ встрѣчаются языческія преданія, которыя безъ всякой связи и смысла приплетаются къ новозавѣтнымъ событіямъ.

Ходятъ колядовать (къ колинда, говорятъ молдаване) мальчики преимущественно до 16 лѣтъ или до 17, но дѣвочки не принимаютъ участія въ колядованьи, какъ дѣлается въ Малороссіи³⁷. Колядуютъ подъ окнами на дворѣ, держа палки на плечо. Колядниковъ за колядованье награждаютъ маленькими калачиками, орѣхами, сушеными фруктами и копѣйками. У молдаванъ собственно одна колядка, которая различно варьируется въ разныхъ мѣстахъ, конечно не теряя общаго содержанія. Вотъ она въ нашемъ переводѣ:

Вставайте, вставайте, вельможи,³⁸

Господь съ неба!³⁹

Разбудите и слугъ своихъ,

Пусть они зажгутъ ваши факелы,

Пусть подметутъ ваши дворцы,

Пусть вынесутъ соръ изъ вашихъ дворовъ,

И отворятъ ворота.

Вотъ идутъ къ вамъ колядники⁴⁰,

И несутъ вамъ Бога,

Младенца спеленаннаго,

Спеленаннаго, прекраснаго;

Свивальникъ на немъ бѣлый шелковый,

Одѣяльце бархатное,

Скуфья хлопчато-бумажная;

Наверху скуфьи — драгоценный камень,

Сіяющій на весь міръ,

Третью часть Ерусалима и половину Буджака.

Отворись рай, пусть я увижу твои красоты!

Затворись рай, я увидѣлъ твои красоты.⁴¹

Голубица на дверцахъ⁴²,
Голубенокъ на ставнѣ!
Голубица улетѣла,
Внизъ къ морю опустилась,
Воды въ зобъ скоро набрала,
Камешковъ въ пальчики,
Вверхъ на дворець полетѣла,
Камешки выпустила,
Камешки внизъ къ землѣ покатились.
Бояре пробудились,
Намъ⁴³ хорошія бакшишъ дали.

БЕЛЕЖКИ

¹ Кишиневск. Епарх. Вѣдомости 1870 г. № 3, стр. 88.

² Молдавское *колакъ* (калачъ) слово славянск., происходящее отъ слова *коло*, *крутъ*, *колесо*, отсюда и древнеславянское *колачь*, новослав. *colac. libum magy et cet.* См. *Lexicon palaeoslavonico-graeco-latium*. Edit. Miclos. pag. 297.

³ См. Българск. народенъ сборникъ отъ Чолакова и Българска старина отъ Раковского, книга първа.

⁴ Българск. народн. сборникъ отъ Чолакова, стр. 28.

Вотъ шѣсня:

Замжчи са Божа Маика
Отъ Игнаж-ден, коладе-ле,
Отъ Игнаж-ден, до колала:
Богъ ся роди, спомшти вечер.
Налѣ маико злати когля,
Да окжшим млада Бога:
Льулки вѣсми о два слжбца.
Слжбци ти са босилкови:
Кои ште Бога да зальупши?
Зальупши го Божа Маика,
Божа Маика с-бѣли ржцѣ,
Бѣли ржцѣ сирьанени...
Туи сирьане иссен брано
В-нови ведра яворови,
Този яворъ зимѣ бучи,
Зимѣ бучи, пролѣт ечи
Като пчела по пчелина
Като мома по дворево.

См. Гайда, болгарск. литер. листокъ, издававшийся въ Константинополѣ, 1866 г. № 9; кромѣ этой, существуютъ различныя вариации, смотря по мѣстности. См. сборн. Чолакова, стр. 278, а также и Каравелова: Памятники народнаго быта болгаръ. М. 1861 г., стр. 277.

⁵ Каравеловъ. Пам. народн. быта болгаръ, стр. 276.

⁶ Очеркъ славянскои мифологii. Кваннина-Самарина, въ "Бесѣдѣ" 1872 г., апрѣль, стр. 246.

⁷ Кишиневск. Епарх. Вѣдом., 1870 г., № 3.

⁸ Очеркъ славянск. миѡ. Квашнина-Самарина въ Бесѣдѣ 1872 г., апрѣль, стр. 261.

⁹ Если своимъ пѣніемъ предвѣщаешь зло.

¹⁰ Каравеловъ: Пам. народ. быта болгаръ, стр. 276. Всѣ эти названія турецкія: ошавъ, по молдавски уша, иначе киселица — кисель; фасулъ, по болгарски иначе бѣлы бобъ; сарми по молдавски сармале; членъ же къ концу молдавск. словъ весьма часто прибавляется въ мужск. и женскомъ родахъ. См. Начертаніе Влахо-молдавской грамматики Гинкулова. Спб. 1840 г. стр. 74—76.

¹¹ Некурать — нечистая сила, нечисть, или дракъ — чортъ.

¹² Кишиневск. Епарх. Вѣдомости, 1870 г. № 3, стр. 92.

¹³ Кара-кончо-нечистая сила, чортъ; домовый.

¹⁴ Каравеловъ: Пам. нар. быт. болгаръ, стр. 278.

¹⁵ Бестюжевъ-Рюминъ: Русская Истор. 1, стр. 18 и Квашнина-Самарина: Очеркъ славянск. миѡлогіи, въ Бесѣдѣ, 1872 г. апрѣль, стр. 221—231.

¹⁶ Кишинев. Епарх. Вѣдом. 1870 г. № 3.

¹⁷ Тамъ же.

¹⁸ Слово *аджунъ* происходитъ, вѣроятно, отъ греческаго слова *αἴω* — веду.

¹⁹ Кишинев. Епарх. Вѣд. 1870 г. № 3.

²⁰ Кара по турецки черный.

²¹ Каравеловъ: Пам. нар. б. болг., стр. 279, гдѣ авторъ пишетъ Керечунъ и этимъ именемъ называетъ капувъ Рождества, а не самый день Рождества.

²² Кишин. Епарх. Вѣдом. 1870 г. № 3.

²³ Сербско-русскій словарь, Лавровскаго. Спб. 1870 года стран. 231.

²⁴ Miklos. Lexicon palaeoslavenicum-Gracco-Latinum. Vindobonae. 1862, p. 284.

²⁵ Ibidem pag. 1057.

²⁶ А естъ частица всегда прибавляющаяся къ неопредѣленному наклонен. въ молдав. глагол.

²⁷ Квашнина-Самарина. Очеркъ славян. миѡлог. Бесѣда 1872 г. апрѣль стр. 242.

²⁸ Каравеловъ, стр. 279.

²⁹ Тамъ же.

³⁰ Тамъ же стр. 277.

³¹ Крачунъ въ славянск. миѡлог. смѣшивается съ Ситивратомъ.

³² Святочные медвѣдь и коза. Первоначально, вѣроятно, водили живыхъ медвѣдя и козу, а потомъ ихъ замѣнили ряженными людьми. Прим. Квашнина-Самарина, изъ ея же очерка взято описаніе праздника. Должно замѣтить, что и молдаване во время рождественскихъ праздниковъ наряжаются въ медвѣдя козу и др.

³³ Тихонравова, Лѣтописи русской литературы и древности; Т. 1, стр. 133, также Бестюжева-Рюмина, 1, стр. 11.

³⁴ Бестюжева-Рюмина: Русск. Ист. Т. 1 стр. 19 и Квашнина-Самарина: Очеркъ слав. миѡ. въ Бесѣдѣ, 1872 г. апрѣль стр. 248.

³⁵ Miklos. pag. 297.

³⁶ Исторія Малой Россіи ч. 3-я, стр. 197.

³⁷ Тамъ же.

³⁸ По молдавски боерь-марь — великіе бояре.

³⁹ Повторяется послѣ каждаго стиха.

⁴⁰ По молдавски: колиндѣторій.

⁴¹ Эти два стиха вѣроятно вставка, или перенесены сюда изъ другой пѣсни колядской.

⁴² Съ этого стиха молдавская колядка имѣетъ связь съ слѣдующими стихами болгарской

колядки:

Сива, сива голубица!
Кай си опшла пропстала?
Самъ си опшла по край море.
Що имаше, що пѣмаше?
Тамъ имаше бѣли чаши
Бѣли чаши и канаты,
Да си напие бѣла божа,
Да си напие бѣли божи;
Божикъ ми је по вся земли,
Слава ми је на небеси.
Каравеловъ, стр. 278.

⁴³ Т. е. колядникамъ.

Ученикъ семин. Пол. Сирковъ.